

ХЕЛЬГА ЛУ

СБОЙ В МАТРИЦЕ

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Хельга Лу

**Сбой в матрице.
Мистические истории**

«Издательские решения»

Лу Х.

Сбой в матрице. Мистические истории / Х. Лу — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837828-7

Такого не может быть, — скажет читатель, — все это бред, мистика... Да, это мистика — разная: о добре и зле, о смерти и жизни после смерти; о том, что существуют-таки реально добрые бессмертные ведьмы, говорящие собаки и философствующие коты. Мистика-предчувствие, мистика-интуиция, мистика-предсказание. Она рядом с вами, дорогой читатель, просто пока не поддается разумному объяснению. Мы воспринимаем мир как трехмерное пространство, но так ли это на самом деле?

ISBN 978-5-44-837828-7

© Лу Х.

© Издательские решения

Содержание

Тропа чертей	6
Под абажуром	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сбой в матрице Мистические истории

Хельга Лу

© Хельга Лу, 2017

ISBN 978-5-4483-7828-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тропа чертей

Вьюга разыгралась не на шутку. Колючий снег, как бы Агафья не прикрывала лицо грубой шерстяной шалью надетой поверх пухового платка, жалил острыми иглами, проникая в повозку, и укладываясь вокруг ног белым холодным одеялом. Ветер завывал все громче и протяжнее, от высоких металлических звуков, издаваемых ненастьем, давило в висках и свербело в перепонках, Агафья начала мерзнуть. Она зябко передернула плечами, одолевали беспокойные мысли: «Да где же эта несчастная деревня, вроде ведь недалеко от нашей, а всё едем и едем. В такую метель недолго и заблудиться. Приспичило же рожать в непогоду, руки вот еще придется отогревать, холодными-то и роженицу и ребенка застудить недолго». Очередной снежный порыв разбушевавшейся метели обрушился на женщину, отчего дыхание у нее перехватило. Сквозь пронзительные вопли ветра Агафье почудился волчий вой. Вдруг кони захрапели, повозка остановилась, внезапно чьи-то сильные руки схватили Агафью, выволокли из повозки и, протащив немного по заснеженной, завьюженной дороге, с силой погрузили в сугроб.

Будто потеряв сознание, она какое-то время лежала неподвижно в снежном коме, тяжело дыша, и в глупой растерянности пыталась понять, что произошло, что же это с ней сотворили и почему? Спустя некоторое время Агафья хотя и с трудом, но стала выбираться из сугроба.

Освободившись, тяжело передвигая ногами и проваливаясь в снег, сколько было сил, брела она в метели, сопротивляясь сильным порывам ветра и, преодолевая снежные заносы. И вот уже ей казалось, будто сама степь стонет и воет, захлебываясь от снежных волн набегающих друг на друга, и покрывающих её сплошным белым ребристым полотном.

Разум стал туманиться, а силы, как и остатки человеческого тепла, покидали Агафью, она уже не чувствовала ни холода, ни воздушных потоков снега, подталкивающих в спину, но продолжала слышать свист ветра и усиливающийся вой волков. Сильный снежный вихрь, куражась, захватил Агафью, закружил, с силой приподнял и бросил вниз, она обмякла и повалилась в снег, потеряв сознание.

Очнувшись, сквозь тяжелые веки, как будто налитые свинцом она едва различала напротив себя горящие красные точки, которые постепенно приближались к ней. «Волки, – догадалась Агафья, – быстро учуяли».

– Помнишь её, – спросила волчица?

– Помню, – ответил волк, – клеща то она вытащила, а спасти младшенького так и не удалось.

– Да, не удалось, – грустно подтвердила волчица, – слабенький он был, дохленький, вот и не смог выкарабкаться. А она, Агафья, добрая.

– Да знаю, знаю, что добрая, хватит уже болтать-то, а то вон – эти дрожат от холода, – проворчал волк, заботливо посмотрев на стоящих рядом двух крепких волчат.

– И сыновья помогут, – гнула свое волчица.

– Ладно, думаю, все вместе справимся, – определился волк, – где эта твоя Богдановка?

– Там, вон в той стороне, – с готовностью указала волчица.

Агафье казалось, будто лежит она на раскаленных углях, и нету мочи, переносить этот пожар тела, а изнутри его вырывается воздух, горячий, болезненно обжигающий нутро, и кажется, что это не воздух, а пар от кипящей воды, который того гляди, обварит все внутренности.

По периметру потолка с бешеной скоростью бегал маленький, чёрный человечек. На ногах у него были надеты белые носки и черные лаковые ботинки, брючки обтягивали его хрупкое тельце, и смотрелись смешно, потому что были короткие, вроде как не по размеру. Черные блестящие волосы, густо помазанные бриолином, ниспадали на плечи. Одна рука у человечка была в перчатке из белого тонкого кашемира, вся усеянная, не иначе как алмазами, ярко сверкающими. Белая батистовая рубашка, с воланами и жабо, была перехвачена на талии широким красным поясом.

Маленький кудрявый человечек бегал и бегал, не переставая, у Агафьи от этой его беготни сильно кружилась голова и подкатывала тошнота. Ей становилось значительно легче, когда он иногда останавливался и начинал что-то петь на непонятном языке, одновременно выполняя интересные, витиеватые движения ногами. Как-то после неоднократного повторения замысловатых движений ногами и корпусом, он вдруг замер прямо на середине потолка и обращаясь к Агафье, произнес,

– Правда, я становлюсь светлее? Понимаете, мне постепенно осветляют кожу, впрочем, не знаю зачем, ведь и без этого, как говорят многие, я превосходно танцую.

– Светлым хочешь стать? – усмехнулась Агафья, – тут одной окраской тела не обойтись.

– Что, что вы сказали? – спросил кудрявый человечек.

Видимо, оттого, что в комнате было очень жарко, он снял со своей руки белую с сияющими камнями перчатку. Эти камни, как будто множество ярких лампад, освещали избу, и больно слепили глаза Агафьи, даже сквозь закрытые веки.

– Да так я, рассуждаю сама с собой.

– О чем?

– О белых и черных людях, вернее – о их светлых и темных душах.

– О душах?!

– Да, о душах. Главное не навредить, понимаешь?! Не навредить себе и ближнему своему и больше ничего не надо для того чтобы быть светлым. Просто жить и не вредить! Но это очень трудно не навредить, также трудно, как и жить, – Агафья перевела дух, – но всегда следует стараться, и все получится, вот как у тебя эта твоя диковинная лунная дорожка. Вот я о чем. Ладно, тебе не понять меня, видимо, другой язык. Отдохнул бы немного, носишься как угорелый, устала я очень, а ты мельтешить перед глазами, тяжко мне что-то, душно.

Агафья вдруг почувствовала, что поднимается к потолку и уже почти рядом ощущает дыхание маленького танцора, который, слушая рассуждения лекарки все время улыбался и кивал своей кудрявой головой, как будто полностью соглашался с ней. Но вот она обнаружила, что уже находится над черным человечком, значительно выше потолка, над крышей своей избы и все стремительнее поднимается вверх к хмурому январскому небу, вверх – в самую глубину синевы, в неизведанное.

– Как поживаешь Агафья, – устало, но дружелюбно приветствовал лекарку Господь.

– Спасибо, с вашей помощью, – с достоинством ответила Агафья.

– И тебе спасибо за почитание и принятие помощи, – уважительно отозвался Господь.

– Насовсем вызвал, или по делу, – Агафья боялась, что долго общаться с Самим не сможет, сил маловато.

– Мы, конечно как можем, помогаем, выручаем, и то, сама знаешь, не всегда удается, вот и дорожим вами – воинами Добра, нашими соратниками, ценим и оберегаем наш священный союз в его противостоянии Злу, – Господь печально замолчал, молчала и Агафья, берегла силы.

– А ты сильная, очень сильная, не по зубам ты им оказалась, – Господь хмыкнул, затем улыбнулся и с удовлетворением продолжил, – выиграла ты Агафья, молодец, низкий поклон тебе от меня.

Лекарке стало неловко от последних слов Самого, она уж было собралась сказать ответное слово, но Господь опередил ее,

– Молчи, молчи, береги силы, и мы тебе поможем, мы всегда с радостью помогаем тем, кто сам себе пытается помочь и трудностей не боится, и просить не стыдится. Конечно, тем, кто только просит, мы тоже не отказываем, как и тем, кто не верит в себя, но с последними сложнее, да и результат не всегда положительный.

Господь тяжело вздохнул и задумался о чем-то, затем, как будто очнувшись, посмотрел на Агафью и уже по-деловому произнес:

– Возвращайся, тебя там ждут.

По деревне, со скоростью стремительно падающего на жертву сокола, поползли слухи о том, что кто-то решил погубить лекарку Агафью и под предлогом якобы отвезти ее в Николаевку к роженице, вывез в степь, да и бросил там, среди ночи, в самую пургу.

Её полуживую, всю обмороженную, под утро, обнаружила Дуся – помощница лекарки, прижившаяся в ее доме, и служившая ей верой и правдой с тех пор, как Агафья спасла ее от тифа.

В тот день Дусе приснился странный сон «что вроде четыре волка – грозных и истерзанных, заглядывают в окна избы и лапами колотят в ставни» отчего она в страхе проснулась и выбежала во двор, и увидела подругу, лежащую замертво на снегу, около калитки.

Неприятная новость взволновала и возмутила сельчан, никто из них не остался равнодушным. Не было такого жителя в Богдановке, который бы не знал красивую и строгую Агафью, многих из них она лечила: у кого роды принимала, кому жизнь спасала от сильной хвори. Была Агафья умна и справедлива, оздоравливала не только травами, шептаниями и молитвами, но и владела медицинскими познаниями. Сельчане лекаркой гордились, потому, как ценили и уважали Агафью не только в Богдановке, но и далеко за ее пределами.

Несмотря на сильные морозы и непрекращающуюся метель, сельские бабоньки собирались стайками и горестно перешептывались, охали да ахали, и не переставая, ругали страшных злодеев: – «И за что же это они такую святую женщину, чтоб им пусто было извергам, прости Господи; чтобы у этих разбойников руки отсохли и отпало то, что меж ног болгается, прости Господи; чтоб их кровавый понос замучил, этих душегубов, прости Господи; да что же это творится то на этом белом свете и куды смотрят эти как их там... прости Господи».

Нельзя сказать, что жители Богдановки были особо религиозным народом, однако традиции христианские блюли, в церковь по воскресным дням ходили, основные молитвы знали – иными словами, отношение к вере у богдановцев было здоровое, разумное.

Но судьбой Агафьи обеспокоились все. И молитвы во здравие вспомнили даже те, кто не особо рьяно относился к религии и с неохотой выполняя все церковные ритуалы.

И потянулись к Агафьиной избе ходоки, кто с чем: несли святую воду, лечебные травы охапками, мази самые, что ни на есть премудрые, сало внутреннее свиное и медвежье, жир барсучий, мед и такой и сякой, варенье малиновое, сушеные ягоды земляники и листья смородины. Дуся уже не знала, куда что ставить, разрешала посмотреть на Агафью, просила почитать молитву, после чего выдворяла гостей, объяснив, что больной нужен чистый воздух и главное – покой.

Но Агафья в себя не приходила, продолжала бредить, пылала жаром, покрывалась потом, а то и стучала зубами, отчего Дусе становилось страшно и она начинала паниковать и уж было сомневаться в чудодейственной силе барсучьего жира, липового меда и молитвы о Богородице. Пошел пятый день тягостного ожидания.

Агафья лежала в горнице на широкой кровати, устланной жесткими, суконными подстилками (Дуся преднамеренно убрала перину, чтобы облегчить жар больной) сверху покрытыми

белой накрахмаленной простынею с кружевным подзором. Была Агафья крупной, рослой женщиной и даже в полубессознательном состоянии тело её источало приятный запах волнующей смеси мятных трав и грудного женского молока. Под ночной рубашкой такой же ослепительно белой, как и постельное бельё, большими упругими лепешками развалились груди, на каждой из них лежали, как специально уложенные, две толстые каштановые косы, туго заплетенные и немного взлохмаченные в борьбе с лихорадкой. Большая, пышнотелая, она даже мучилась, борясь с болезнью красиво, чувственно.

– Сгиньте, сгиньте бесы, – вдруг грозно и довольно отчетливо зашептала Агафья.

Дуся от неожиданности вздрогнула, потом вскрикнула, потом сама себе закрыла рот рукой, рассердилась на себя, что напугалась так, «как вроде покойник заговорил».

Наконец, посмотрела обрадовано на шепчущую Агафью, и уж было хотела заплакать от избытка чувств, но вдруг, вспомнив, взмахнула руками, подбежала к иконостасу, встала на колени и принялась, всхлипывая и торопливо, читать молитву во здравие, слова которой здорово перевирала. Однако Дуся, сама себя при этом успокаивала, что Господь поймет ее и простит.

– Сгиньте, сгиньте проклятые шишиги, – шептала в бреду Агафья.

Прислушиваясь к словам больной, от которых становилось зябко и страшновато, помощница лекарки начинала соображать – что происходит, и как дальше действовать.

Дуся принялась, что есть силы наводить чистоту, и без того, в довольно ухоженной избе. Выскоблила ножом деревянные полы, вымыла их теплой водой с мылом, не забывая при этом присматривать за Агафьей, которая все еще продолжала бредить и разговаривать сама с собой, хотя жар уже пошел на убыль, а значит организм на поправку.

Ставни и оконники насухо вытерла, всё лишнее по сундукам рассовала, чтобы дышалось легче, углы окропила святой водою, благо односельчане нанесли ее вдоволь – «Агафью излечить». Пучки полыни и плакун-травы разложила и повесила где только можно, а листья крапивы и веточки зверобоя подсунула под суконные подстилки на которых лежала хвора Агафья, а также под ее подушку.

Пихала Евдокия траву во все закроменные места, да приговаривала:

«Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам. Утопи их в слезах, а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподние. Будь мое слово при тебе крепко и твердо. Век, веком».

При этом она с надеждой поглядывала на Агафью, подходила к ней очень близко, пристраивала ухо к груди больной и долго слушала, насколько ровнее стало биться сердце лекарки. Помолчав немного перед следующим повтором приговора, Дуся ругалась в сердцах словом бранным, грозила кому-то в окошки, запорошенные снегом, сплевывала всухую и тут же испуганно крестилась.

В сени траву тоже понесла и к потолку подвесила, и по углам пристроила, и на окошко положила. Там на окошке траву сразу прихватило морозцем потому, как сени холодные, прогреть их печкой невозможно. В углу рядом с сундуком стояла старая этажерка, на нее то и положила Дуся пучки зверобоя и полыни. Однако некоторое время спустя обнаружила, что они исчезли. Ругая себя за недосмотр, решив, что просто в этот угол она забыла заглянуть, вновь положила траву и брызнула водицей.

Утром следующего дня, выбежала по нужде во двор и, заскочив обратно в сени, обнаружила, что пучки исчезли, на этажерке травы не было! Что за напасть? Нахмурилась, на душе стало тревожно, ей вдруг показалось, что они, пучки, исчезают неспроста, тут-то и обратила

внимание на Агафьин старый овчинный тулуп, в котором та, в холодное время, выезжала к больным и роженицам.

Тулуп лежал на большом деревянном сундуке обитом кованым железом с тех пор, как она сняла его с полуживой, бесчувственной Агафьи, да и бросила, в угол не глядя.

Не нравилось ей в этой овчине что-то, у Дуся нехорошо сжалось сердце, по спине побежали мурашки. В сенах было темно, зимой светает поздно, да и сроду в сенах света не хватает, а все вещи и предметы кажутся серого цвета. И все же Дуся не столько увидела, как почувствовала что-то такое, отчего ей стало дурно, что вот как будто сейчас случится с нею испуг. Разозлившись на себя, на свою необъяснимую боязнь, Дуся решила взять лампадку и рассмотреть тулуп внимательнее, но тут снова пошли сердобольные богдановцы и она в суете забыла о тулупе, своих намерениях и страхах.

Поздним вечером, в конце седьмого дня, Агафья пришла в себя, вырвавшись из объятий смерти.

Дуся обмыла больную прохладным отваром душицы и заставила почти силой попить немного куриного бульона.

– Сосед, Петр Леонов, специально зарубил для тебя петуха и вот, прямо как чувствовала, приготовила бульончик, сварку, в самый раз.

Дуся на радостях бегала по горнице, сутилась, шуршала юбками. Слабая Агафья глядела на неё и больные глаза лекарки не то блестели от слёз, не то светились от благодарности. Дуся вдруг остановилась, притихла, лицо сделалось как будто виноватым или взволнованным, подсев к Агафье, около кровати, шепотом доложила:

– Тулуп твой ездовой спалила я, слышь, Агафья.

– Да, поняла уже, – Агафья говорила медленно, но уверенно. Она посмотрела внимательно на Дусю и ровным голосом продолжила, – слышала я их топот, снег под копытами страшно хрустел, еще бы такое стадо пронеслось, с грохотом утекали. Долго, правда, что-то шумели, много знать было.

Дуся затряслась вся от страха, прикрыв лицо ладонями.

– Ой, Гафьюшка, так это значит, мне не показалось, это они что ли промчались? Свят! Свят!!

– Они, они, а кто же еще, огня пуще травы боятся.

– Так и тикали обгоняя другу друга, пока тулуп горел. Верх овчины-то весь был в черной вонючей шерсти, прямо клочками, клочками, по всей одежке. Свят, свят!

Дуся скороговоркой стала шептать молитву, при этом, резко взмахивая своей большой огрубевшей, от физической работы, рукой окрестила себя как и положено три раза, а потом столько же раз перекрестила Агафью.

– Сама додумалась, вот ведь хватило куриных мозгов, слава богу. У тебя то не спросить, ты в лихорадке маялась- бедная, а вот гляди-ка, избавились от зла, прямо чистку произвели в деревне, изгнали непрошенных хохликов, – радостным и одновременно все еще дрожащим голосом произнесла Дуся.

– Слышишь Евдокия, вроде как стучат вдалеке?

Обе женщины притаились, прислушались, вглядываясь в темные окна избы. Дуся ближе подошла к окошку.

– Не иначе за Ивановкой, со стороны Большой Тузулукской дороги, может, кто помощи просит, там ведь люди говорят, беспокойно, разбойников хватает, – закончила рассуждать Дуся уже с тревогой в голосе.

– Да нет, это другой стук, – задумчиво и сурово проговорила Агафья.

– Какой такой другой стук, – уже почти испуганно прошептала Дуся, – что ты опять Гафьюшка удумала?

– Это шишиги тропу себе новую прокладывают, отсюда мы их выдворили, вот они и обу-страиваются там. Самое место для них – беспокойное.

Дуся, отшатнувшись от окна, выдохнула:

– Тропа чертей. Свят, свят, свят, – и схватив пучок полыни, окрестила им окно.

Все еще всматриваясь в зимнюю тьму, Агафья тяжело вздохнула, затем перевела взгляд на Дусю, неожиданно улыбнулась и сказала:

– Евдокия, ставь самовар, пить хочу чаю с булками и медом!

Дуся всплеснула руками, воскликнула:

– Ой, ты господи, слава тебе, ожила моя бабонька, очухалась. Сейчас я, сейчас, живенько, только на стол все поставлю, самовар то давно уж готов. Сейчас, родная моя, чаёвничать будем назло всем хохликам окаянным, эх, где наша не пропадала!

© Хельга Лу, 2004

Под абажуром

В ночь под рождество, в просторной гостиной за столом сидели друзья, их было трое: Лили, Фред и Рудольф. Готические окна, как мрачные тени застывших рыцарей в албарнесах, обрамляли комнату. В одно из них назойливо заглядывала дородная серебристая луна, освещающая часть комнаты и такой же, как сама царица ночи, шарообразный массивный стол. Однако основной рассеивающий свет распространял внушительных размеров старинный оранжевый абажур с кисточками, висевший достаточно низко, прямо над головами молодых людей.

Условия игры были просты: каждому игроку необходимо было рассказать две истории, остальные должны отгадать, которая из них не является сном. Проигравший рассказчик выплачивал угадавшему игроку определенную условиями игры денежную сумму, и наоборот, если игрок не угадывал, какая из рассказанных историй является подлинной, он также расставался с деньгами, в пользу рассказчика.

– Чур, я первая, – вскричала экзальтированная Лили, и сейчас я вас быстро запутаю, черта с два вы отгадаете!

Не дожидаясь согласия мужчин, Лили, кокетливо потирая ладони, с хитровой улыбкой, вступила в игру.

– В одной из арабских стран зашла я в небольшой магазинчик, расположенный прямо на окраине дороги. Мне очень хотелось приобрести то, о чем я давно мечтала, а именно: вечернее платье из бледно-бирюзового шифона с широким на талии поясом, такое знаете, все шуршащее и нежное. Надо признаться, что я довольно долго искала себе наряд, но в магазинчике, напичканным всевозможными красивыми вещами, было все кроме такого платья. Отчаявшись, я вышла из магазина, и вдруг посредине огромной широкой дороги, на которой, представьте себе, не было видно ни одного автомобиля (!), я увидела высокого красивого мужчину в белых одеждах с голубой чалмой. Восточный красавец с улыбкой на устах величественно шествовал прямо навстречу мне. В руках у араба была огромная коробка с перевязанной атласной лентой, которую он преподнес мне в дар. Хотите – верьте, хотите – нет, – тут Лили слегка отвела от лица скрещенные ладони, театрально закатила свои зеленые глаза к абажуру и торжественно закончила, – в коробке лежало то самое платье в пол, которое я усердно искала в магазине: шифоновое, бледно-бирюзовое, воздушное, с широким поясом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.